

Помолчав, она продолжила: «Когда душа покидает тело, становится особенно уязвимой и растерянной. Если в мире живых осталась неразрешенная обида, душа превращается в лютого призрака. Если же ничего не держит — душа рассеивается. Наша семья Цинь, работая с призраками, часто оказывается под их влиянием. Все призраки на свете — просто призраки. Им лишь нужно найти себе замену, чтобы уйти. Хотя в большинстве случаев у тех, кого они убивают, нет подходящих тел для вселения, в сердцах призраков живёт обида. Они продолжают убивать или искать сосуд, пока эта обида не утихнет».

Цзян Чжунсюэ молча слушала, а Цинь Чаншэн продолжала, словно размышляя вслух: «Эх, я и сама раньше не верила в призраков. С детства ходила в школу, закончила среднюю, поступила в университет. Учителя твердили, что призраки — всего лишь выдумки. А в итоге я стала самым что ни на есть Призрачным Глазом и занимаюсь делами, с ними неразрывно связанными».

Цзян Чжунсюэ наконец откликнулась негромким «Угу», давая понять, что слушает. Цинь Чаншэн с любопытством спросила: «А ты можешь видеть призраков, Цзян Чжунсюэ?»

Цзян Чжунсюэ покачала головой и наконец заговорила: «Значит, если есть обида — становишься призраком, а если нет привязанностей — исчезаешь. Так?»

Цинь Чаншэн кивнула, подчеркивая: «Да. Стоит обиде утихнуть — призрак тоже исчезнет».

Спокойным голосом Цзян Чжунсюэ спросила: «А бывает, что душа перерождается?»

Цинь Чаншэн была ошеломлена таким вопросом и твёрдо ответила: «Перерождение невозможно. Призрак — это всего лишь энергия, которая возникает у тех, кто перед смертью испытывал сильную обиду или привязанность. Она может вселяться в людей, но не перерождаться. Наша семья Цинь не признаёт теорию перерождения душ».

Цзян Чжунсюэ снова кивнула.

Если призрак — лишь сгусток любви и ненависти, оставшийся после смерти человека...

Три тысячи лет назад... с какой же ненавистью или любовью ушла из жизни её любимая жена?

Три тысячи лет назад она, всю жизнь носившая доспехи, стояла на голых песчаных скалах перед посланником легендарного бессмертного. Глаза её, словно омытые весенней водой, светились нежностью, и она мягко сказала: «Вы — божество этого мира, вождь всех духов и бессмертных. Но я — всего лишь смертный. Я уже женат, и сердце моё принадлежит супруге. Я дал ей обет — быть с ней всю жизнь, только с ней одной. Сожалею, что не могу принять вашу любовь, но прошу передать мои слова Небесной Матери».

Она никогда не мечтала о бессмертии, никогда не думала о разлуке.

Но судьба играла с ней, снова и снова заставляя смотреть, как любимый человек умирает на её глазах.

Совсем недавно она думала, что Цинь Чаншэн погибла.

Сколько бы раз ни происходило перерождение, сколько бы раз она ни видела её вновь — улыбающейся, плачущей, светлой или мрачной, — она встречала бесчисленные её лики и переживала бесчисленные трагические разлуки.

И всё равно не находила спасения.

Если не из-за ненависти... если не из-за любви... то зачем же она снова и снова перерождалась?

Цзян Чжунсюэ подняла голову. «Слезай».

Впереди мелькали огни фонарей, слышались голоса, и, кажется, кто-то размахивал факелами.

Они уже вышли к окраине деревни. Цинь Чаншэн слезла со спины Цзян Чжунсюэ, та взглядом велела идти за собой, и они вышли из леса, словно ничего не произошло.

Примечание автора:

Призрак — это энергия, сгусток сильной любви или ненависти, оставшийся после смерти человека.

Деревня у подножия горы — древнее поселение с долгой историей.

Расположенная у обрыва горы Цзи, она строилась у подножья, вдоль реки. Лет несколько сот назад деревня ещё считалась завидным благодатным уголком. Пока внешний мир переворачивался с ног на голову, шли войны между князьями, а из соседних сёл забирали рекрутов — почти никто из тех мужчин не возвращался домой, — деревня у подножия горы оставалась островком покоя. Там оставались лишь старики, женщины да дети, с трудом растившие новое поколение.

Но эта деревня была иной. Возможно, из-за опасной горной тропы, а может, из-за соседнего Призрачного леса, прославившего гиблым местом, откуда почти никто не возвращался, — так или иначе, из-за бедности и удалённости даже войны и голод обходили это неприметное селение стороной. Под защитой Призрачного леса, питаясь дикими кабанами и зайцами из окрестных холмов, жители усердно обрабатывали свои скудные наделы и жили вполне довольной жизнью.

С тех пор у жителей деревни у подножия горы появилась особенная уверенность. Какое им дело до внешнего мира? В деревне есть своя земля, своя почва, они никогда не платили налогов далёкому императору. А другие сёла, расположенные получше, постоянно страдали от волнений, что приносила смена династий. Некоторые беженцы, добравшись до этой глухой деревушки, оставались здесь, видя, что здесь и еда есть, и от войны покой. И они тоже начинали верить, что никакой внешний мир не сравнится с тишиной и безопасностью их нового дома.

Жители деревни очень этим гордились.

Но однажды эта гордость дала трещину.

В деревню приехал учитель агитировать за учёбу. Староста, потягивая самокрутку, сидел на каменном пороге, полузакрыв глаза, с засученными штанами, на которых виднелись засохшие комья грязи. Учитель долго и красноречиво убеждал его, но староста даже глаз не приподнял.

Всё это время женщины деревни толпились за каменной стеной, перешёптывались и показывали пальцами на неугомонного учителя. Тот, в отличие от местных, был городским интеллигентом, «образованным молодёжным кадром». Юноша был видный, и под пристальными, любопытными взглядами деревенских женщин он скоро покраснел от

смущения и в конце концов, пробормотав что-то, удалился.

Староста сказал: «Да на кой ляд грамота? Только время терять. Лучше бы силы на поле потратили».

Учитель ушёл, оскорблённый. Но почти каждый день находились новые упрямы, которые, не зная устали, приходили к старосте, надеясь уговорить его отправить деревенских детей учиться. Староста день за днём сидел на том же пороге, курил свёрнутый из старого табака козью ножку, пускал густой белый дым, от которого у молодёжи слезились глаза, смотрел, как его внучонок гоняется по двору за собакой, и с презрением говорил: «В нашей деревне у подножия горы и еды хватает, и одежды. Только неудачникам грамота нужна».

Все были твёрдо уверены: грамота — дело бесполезное, лишь бы свой клочок земли обрабатывать да на милость неба надеяться — вот и вся достойная жизнь.

Но староста не знал, что после отъезда того учителя несколько молодых девушек из деревни потихоньку начали ходить в школу в уездном городке.

Сначала они хотели просто ещё раз увидеть того красивого молодого интеллигента — со светлой кожей, изящными манерами, в круглых очках, так непохожего на деревенских парней.

Сбившись в кучку, они прильнули к окну низкой глинобитной школы и слушали, как он ведёт урок, чётко выговаривая слова на путунхуа. Девушки перешёптывались и смеялись, пряча в сердце это новое, щемящее чувство.

Позже, чтобы чаще видеться с симпатичным учителем, несколько девушек стали тайком брать с собой младших братьев и сестёр в городскую школу. Когда староста наконец обнаружил это проказу, его младший внук уже был зачислен в ученики и каждый вечер корпел над тетрадями при свете керосиновой лампы.

Староста пришёл в ярость и запретил внуку ходить в школу. Но, не в силах вынести горький рёв ребёнка, он в конце концов сам смастерил ему парту и табуретку, молча смирившись с происходящим.

Но деревня у подножия горы оставалась бедной.

<http://bllate.org/book/16269/1464215>